

Н.А. Соболева, д.и.н., Москва

РОД ЛАКИЕРОВ*

Роспись дворянского рода Лакиеров опубликована в знаменитом издании «NdR»¹ (Noblesse de Russie) – «Российское дворянство»). Это известный труд Николая Флегонтовича Иконникова, который служит справочным пособием для сотен тысяч представителей российских дворянских родов как в самой России, так и за рубежом. Вдали от русских библиотек и архивов, в крайне тяжелых материальных условиях автор проделал колоссальную работу по сбору историко-биографических сведений о дворянстве Российской империи, опубликовал эти сведения в виде родословий, доведя их до 50-х гг. XX века.

Понимая историческую значимость своего труда, автор тем не менее критически оценивал собранные им сведения, зачастую записанные по памяти того или иного потомка рода и отнюдь не всегда соответствующие с истинным положением вещей. Поэтому он оставил продолжателям его дела своеобразную заповедь: 1) «По мере возможности пополнить уже разработанные родословные данными из доступной литературы, указывая при каждой цитате соответствующий источник информации»; 2) «Добавить к опубликованным родословным все возможные данные о поколениях, родившихся после выхода соответствующего труда (с обозначением при каждой цитате опубликованного источника или сообщения)»².

Вполне достойный преемник появился у Н.Ф. Иконникова в лице проф. Д.М. Шаховского, который в настоящее время работает над расширенным и несколько видоизмененным вариантом «Российского дворянства»³. Труд Шаховского озаглавлен «Общество и дворянство российское». В нем много уточненных по архивам сведений о представителях дворянских родов, не использованных Иконниковым, иная структура и более широкие цели: не только предоставление справочного материала, но осмысление его как вспомогательного источника для исторических исследований, изучения традиций и состава русского общества, ассимиляции иностранцев в России и русских за границей, миграций, ономастических изысканий и многого другого⁴.

Названные генеалогические труды, мало известные отечественным специалистам, приобретают приоритетное значение в контексте той проблематики, которая в настоящее время выступает как «русское зарубежье». Эта проблематика во всей своей многогранности еще не знакома современному читателю, но уже очевидно, что его внимание скоро будет

* Статья перепечатана с согласия автора из журнала «Историческая генеалогия». Екатеринбург-Париж: Ярмарка-Пресс, 1994. № 3. С. 17-23.

привлечено к таким явлениям, как возрождение статуса дворянства, ностальгия по прежним титулам и званиям, поиск родовых гербов, восстановление родословных росписей и т.д.

Для представителей русского дворянства, живущих за рубежом, труд Иконникова, безусловно, является основополагающим. В нем можно почерпнуть сведения об основоположниках рода, последующих поколениях, браках членов рода, количестве детей, должностях, титулах и т.п. Для удовлетворения собственного любопытства, сохранения семейных традиций, для установления связей со своими родственниками, проживающими в различных странах, может быть, изменившими фамилии в результате брака, сведений как будто бы вполне достаточно. Другое дело исследователь, которому по той или иной причине суждено заниматься историей рода. В архивах он может обнаружить такие беспристрастные документы, как служебный формуляр, завещание, переписка членов рода. Он может привлечь материалы, о существовании которых даже не подозревали те, кто в 20-30-е гг. предоставлял Иконникову сведения о своих предках и родственниках.

В результате не только может измениться родовая роспись. Более существенно то, что деяния членов рода в истории России проявятся более полно и правдиво, а наше прошлое через судьбы покинувших этот мир людей предстанет в наименее искаженном времени ли, трактовкой ли, виде.

В настоящей статье речь пойдет о роде человека, имя которого буквально возродилось несколько лет тому назад в отечественной исторической науке. Это Александр Борисович Лакиер - автор единственного в своем роде труда «Русская геральдика». Редкостный труд по отечественной геральдике впервые увидел свет в 1855 г. В связи с геральдическим бумом и возрождением традиций в этой области знаний потребовалось его переиздание, что и было сделано в 1990 г.

Другой труд Лакиера не столь известен сегодняшнему читателю, хотя также является своеобразным феноменом. Это «Путешествие по Североамериканским Штатам, Канаде и острову Кубе» (СПб., 1858. Т.1-2) - книга, в основе которой лежат дневниковые записи о путешествии автора «Русской геральдики» по американскому континенту. По оценке Н.А. Добролюбова, написавшего на книгу большую рецензию, это было первое в России (непереводное) описание Америки - юной и малонаселенной страны, которая имеет много общего с Россией и во многих отношениях любопытна⁵.

О личности автора столь популярных в свое время книг до недавнего времени читателям было мало известно. В биографических изданиях сведения о нем сообщались буквально несколькими строчками. Тщательный поиск в различных архивных фондах и редких изданиях позволил воссоздать неординарную биографию Лакиера - юриста по образованию, писателя и исследователя, лауреата почетнейшей Демидовской премии. Большой очерк о его жизни и творчестве помещен в переизданном труде «Русская геральдика», напечатан в журнале «Вопросы истории»⁶.

Однако вызывает интерес не только первый отечественный труд по гeraldике и не только до недавнего времени мало известная довольно трагическая судьба Лакиера (внезапный уход из жизни горячо любимой жены, не осуществившиеся жизненные планы, ранняя смерть), но и участь его потомков. Накопленные в процессе работы над биографией Александра Борисовича материалы, новые информационные источники (например, воспоминания дочери горничной Лакиеров, записанные автором данной статьи; архивные материалы, хранящиеся в музейных фондах Таганрога и др.) позволили в определенной степени проследить судьбу следующих поколений. Воссоздание судеб потомков А.Б. Лакиера по материалам, собранным в России, позволяет проверить родословную роспись Лакиеров в NdR. Кроме того - раскрыть ряд новых фактов из жизни целой плеяды известных в свое время людей, связанных с семейством Лакиеров родственными узами. Наконец, обращение к истории семьи этого дворянского рода, публикация новых фактов привлекает внимание ныне здравствующих представителей Лакиеров, которые в свою очередь с позиций людей сегодняшнего дня могут пролить свет на некоторые семейные тайны или уточнить отдельные вехи жизненного пути предков.

Взяв за «точку отсчета» фигуру А.Б. Лакиера (4-я генерация по Иконникову), ибо с ним связаны наши генеалогические изыскания, подтвержденные документально, проследим его родословную по восходящей и нисходящей.

Александр Борисович Лакиер (иногда пишется Лакьер) родился 16 мая 1824 г. в Таганроге, умер в январе 1870 г., по-видимому, там же. В NdR, а также в различных справочных изданиях указываются другие даты рождения и смерти: 30 апреля 1825 г. и 27 января 1872 г. Однако дата рождения (1824 г.) записана в метрической книге Таганрогской соборной Успенской церкви⁷ и не верить этой записи нет оснований. Что касается даты смерти, то здесь вопрос сложнее. Указанный в NdR 1872-й г., казалось бы, подтверждается годом рождения его детей - близнецов Марка и Елены - 2 декабря 1871 г., как отмечено в NdR. Однако обнаруженные нами письма его сына от первого брака Петра Александровича Лакиера к крестной матери - Александре Васильевне Плетневой, датированные концом 1871 - началом 1872 гг., свидетельствуют о том, что к этому времени Александр Борисович уже умер⁸. Близнецы родились несколько ранее, а именно в 1869 г., о чем свидетельствует формулярный список Марка Александровича Лакиера, сына Александра Борисовича⁹. Тогда же, а не в 1871 г., как сказано в NdR, умер маленький сын Лакиера Марк (первый): с ним играл в детстве Петя Лакиер, который с умилением сообщает об этом в письмах к «мамаше» - А.В. Плетневой.

Петя (Петр Александрович) Лакиер - сын Александра Борисовича от первого брака с Ольгой Петровной Плетневой. Ее отец Петр Александрович Плетнев - ректор Санкт-Петербургского университета, академик Петербургской АН, поэт и критик, издатель «Современника», друг Пушкина, Вяземского, Гоголя. Незадолго до свадьбы дочери П.А. Плетнев женился

вторично - на княжне А.В. Щетининой, которая лишь на два года была старше падчерицы. С разницей в два месяца у Плетнева родились сын Александр и внук Петр, который стал и ему и его молодой жене фактически сыном, ибо его дочь Ольга, жена А.Б. Лакиера, при родах умерла. В течение 7 лет Петр Александрович воспитывался в семье Плетневых, был с ними за границей, они предполагали дать ему там хорошее образование, о чем испрашивали согласия отца. Однако А.Б. Лакиер, вернувшись из путешествия по Европе и Америке, забрал семилетнего мальчика у Плетневых. Отныне Пете Лакиеру предстояло жить в новой семье отца - в Таганроге. Александр Борисович, занявшись адвокатской деятельностью, и сына от первого брака мечтал сделать «своим сотрудником и помощником», предполагая определить в Санкт-Петербургское училище правоведения. Однако его мечтам не суждено было сбыться: в 1870 г. Лакиер умер.

В возрасте 18-19 лет Петр Лакиер покидает Таганрог, желая получить образование за границей, о чем свидетельствуют его письма А.В. Плетневой, регулярно переводившей ему ежемесячное содержание в 100 руб. по завещанию П.А. Плетнева. О политических мотивах, побудивших якобы П.А. Лакиера к эмиграции из России, о чем сообщается в NdR, не имеется никаких сведений. Напротив, из писем П.А. Лакиера явствует, что его пристрастия были иными, нежели политика¹⁰. По-видимому, курс в высшей школе в Швейцарии он так и не закончил, занялся фермерским хозяйством, которое ему не приносило большого дохода. Так что до конца своих дней он пользовался финансовой помощью Плетневых, в частности «Саши» - Александра Петровича, старшего сына Плетнева и своего ровесника. Петр Александрович умер довольно молодым - в возрасте 40 лет, похоронен в небольшом местечке в Швейцарии. О потомках ничего не известно.

Вторым браком Александр Борисович Лакиер был женат на богатой наследнице известного таганрогского предпринимателя миллионера Марка Николаевича Комнено-Варваца Елене Марковне. Матерью ее была Софья Ильинична Алфераки, также из семьи знаменитых таганрожцев. Марк Николаевич имел несколько домов в Таганроге (некоторые сохранились до сегодняшнего дня, существовала даже улица его имени), владел землей в окрестностях Таганрога, в том числе на Золотой Косе. Он покровительствовал искусству, устроил городской сад, пригласил в Таганрог итальянскую оперу, занимался благотворительностью и литературным трудом - написал биографию своего знаменитого деда Ивана Андреевича Варваца¹¹, памятник которому стоит в Афинах.

У Александра Борисовича и Елены Марковны родились несколько сыновей и дочерей. Марк (второй) Александрович, потомство которого и ныне здравствует, родившийся, как уже отмечалось, не в 1871 г., а в 1869 г., окончил в 1893 г. императорский Александровский лицей с чином коллежского секретаря и тогда же был определен на службу в Канцелярию 2-го департамента Правительствующего Сената. Однако через год он покинул

Петербург и, вернувшись в Таганрог, оставил государственную службу. Здесь он стал «культурным хозяином», являясь членом Совета Таганрогского сельскохозяйственного общества. С 1899 г. начал выходить журнал этого общества под редакцией Марка Александровича. Его статьи по садово-огородному делу, новаторским методам ведения сельского хозяйства и промышленному виноградарству печатались во многих специальных журналах, в том числе в ростовском журнале «Юго-восточный хозяин». Марк Александрович был женат на дочери действительного статского советника, сенатора и члена Государственного совета Николая Алексеевича Хвостова Варваре Николаевне. Умер в 1914 г., подобно отцу довольно молодым, так и не узнав, какие беды обрушатся на осиротевшую семью.

Его старший и единственный сын Николай, вернувшись в 1917 г. из Москвы, где он обучался в Николаевском лицее, взвалил на свои юные плечи заботу о матери и пяти сестрах. Все они покинули революционный Таганрог, вместе с такими же русскими людьми оказались в Турции, в Греции, где из жизни ушли две маленькие сестрички Николая, а потом на долгие годы нашли прибежище в Югославии. Здесь в Белграде внук Александра Борисовича Лакиера Николай Маркович женился на дочери капитана русской армии Степана Леонидовича Поздеева Вере, здесь у него родились дочь Наталья и сын Александр. Политика вновь вмешалась в судьбу Лакиеров: в начале 50-х гг. «белогвардейцам» было предложено покинуть гостеприимную Югославию. Николай Маркович Лакиер с женой, детьми и матерью, а также еще группа их родственников, оказались в Аргентине, другие отправились в США.

Старшая дочь Николая Марковича, правнучка Александра Борисовича Лакиера, Наталья Николаевна родилась в Белграде - так же, как и ее брат Александр Николаевич, умерший в младенчестве. От брака с Николаем Даниловичем Зобенитцей у нее трое детей: сын и две дочери, представляющие 8-ю генерацию Лакиеров. Наталья Николаевна вместе с двумя дочерьми проживает в Аргентине. Она работает переводчицей, дочери получают высшее образование. Сын Натальи Николаевны Лакиер (она носит фамилию своего отца) Георгий Николаевич Зобенитца (Лакиер) в настоящее время находится в Москве. Он, как и его предок Александр Борисович Лакиер, юрист по образованию, работает в одном из учреждений аргентинского МИДа в Москве. Женат на аргентинке греческого происхождения, в апреле 1993 г. у них родился сын Александр, который относится уже к 9-й генерации Лакиеров (если следовать нумерации рода по NdR). Наталья Николаевна и Георгий Николаевич прекрасно говорят по-русски, православные, в семье, по их словам, всегда сохранялись обычаи русских предков.

Однако вернемся к семье Александра Борисовича. Елена Марковна Лакиер пережила супруга на целых 45 лет. Умерла она в 1915 г. в своем имении на Золотой Косе под Таганрогом. О последних годах ее жизни рассказала автору этой статьи крестница Елены Марковны, дочь горничной в доме Лакиеров, 85-летняя Ольга Степановна Хилкова. Картины детства

прочно вошли в ее память; что же касается Елены Марковны, то, по мнению рассказчицы, она заслуживает самого глубокого уважения и сочувствия. Пережив мужа, двух дочерей и двух сыновей (один умер в младенчестве), многих близких людей, супруга Александра Борисовича осталась доброй, спокойной, любящей своих детей, внуков и окружавших ее людей женщиной.

Рядом с Еленой Марковной всю ее жизнь провел старший из двух сыновей Иван Александрович Лакиер, который, как сказано в его формулярном списке, по окончании V класса Таганрогской гимназии дальнейшее образование получил домашнее¹². Тем не менее он имел чин коллежского секретаря, а затем его значительно повысили в чине «за усердие и особые труды по попечительству». Действительно, членом и председателем каких только попечительских советов он не являлся! Почетный член Таганрогского окружного попечительства детских приютов, директор Николаевского детского приюта, попечитель Таганрогского Мариинского общества «Ясли», директор Таганрогского попечительного о тюрьмах отделения и т.д. За «профессиональную» благотворительность Иван Александрович награждался многими орденами.

Первым браком он был женат на прекрасной женщине, актрисе А.И. Сущинской. Спровоцировав, по словам Ольги Степановны, бракоразводный процесс, Иван Александрович женился второй раз на совсем юной Е.К. («Кате») Па-леолог, племяннице командующего Черноморским флотом, имеющей прекрасную фамилию, но ограниченные средства. С женой, дочерью и фамильными материнскими драгоценностями Иван Александрович то ли в 1918, то ли в 1920 г. навсегда покинул Россию. Умер в Югославии, как указано в NdR. Богатые и уважаемые таганрожцы, сыновья А.Б. Лакиера, в начале нашего века решили приумножить славу своей семьи при помощи официального их признания потомками византийских императоров. Сначала Марк, а затем Иван направили в департамент Герольдии Сената прошения такого содержания: «Прилагая при сем рисунок герба прадеда моего по линии матери, Комнена, выданного ему Венецианским дворянством, как о том гласит сделанная под ним надпись на греческом языке, имею честь покорнейше просить Правительствующий Сенат утвердить за моим родом прилагаемый герб ввиду того, что фамилии Комнен в настоящее время нет и никто гербом этим не пользуется». Имеется решение от 8 июня 1900 г.: «Составив согласно правилам геральдики проект герба рода Лакиер, представить его установленным порядком к Высочайшему утверждению и по воспоследовании такового выдать Марку Александровичу Лакиер(у) копию с того герба»¹³. Герб Лакиеров помещен в XVII-м, т. е. неопубликованном томе «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Дочери Александра Борисовича Лакиера были замужем за известными в России лицами. К сожалению, меньше имеется сведений о муже старшей дочери - Софии Александровны Мавро. Спиридон Иванович Биазии-Мавро эмигрировал, умер в Белграде в 1920 г. Вторым мужем Александры

Александровны, умершей очень рано, в возрасте 28 лет, был Николай Николаевич Шелгунов, сын знаменитого революционного публициста, самоотверженного борца с самодержавием, автора воззвания «К молодому поколению» Николая Васильевича Шелгунова.

Судьба Николая Николаевича неординарна и трагична. Его отцом являлся А.А. Серно-Соловьевич, революционер, член «Земли и Воли». Однако в годовалом возрасте мать - Людмила Петровна Шелгунова (урожденная Михаэлис), жена Николая Васильевича, с которой писатель находился в фактическом разводе, отдала Колю на воспитание Шелгунову. Мальчик пережил с ним тяготы ссылки, переезды из города в город и в конце концов стал самым любимым и близким для Николая Васильевича человеком, о котором он заботился всю свою жизнь.

Восхищение Колей Н.В. Шелгунов, будучи очень сдержанным по натуре, выражал в письмах к близким ему людям. Так, А.Н. Попову он писал о сыне¹⁴: «Ужасно люблю его: у него есть характер и чувство долга... У подобных людей всегда сильно и семейное чувство, и оно у Коли очень развито»... И еще: «Коля из натур, которые зовут характерами. И действительно, молодец: силен, деятелен, не болтлив, всегда весел, домовит и услужлив».

Н.Н. Шелгунов (род. в 1864 г.) в 80-с гг. обучался в Петербургском военно-морском училище. В 1884 г. он возглавил военно-революционный кружок воспитанников. В кружке читалась революционная литература, при участии Николая Николаевича был составлен проект программы, в которой определялась роль армии и флота в революционных действиях и ставились задачи в деле революционной пропаганды для воспитанников училища¹⁵. Хотя реально кружок никаких действий не совершил, его участников ожидало суровое наказание: военный суд и каторга. Н.Н. Шелгунов, только что закончивший училище в 1886 г., отправился в 3-годичное плавание. Однако через несколько месяцев у берегов Сингапура он был снят с корабля, доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость как политический преступник. Осенью 1887 г. состоялся суд, который вынес приговор организаторам кружка - 8 лет каторги. Суровость этого приговора была с возмущением воспринята обществом. Самое деятельное участие в борьбе за смягчение приговора молодым морякам принял Н.В. Шелгунов. Невозможно без сострадания читать его письма этого времени, где он рассказывает о мытарствах, хождениях по инстанциям, просьбах, своих переживаниях за сына. Без сомнения, эти жестокие хлопоты способствовали ухудшению здоровья писателя, прогрессированию смертельной болезни, от которой он вскоре скончался (в 1891 г.).

В результате хлопот, заступничества многих морских чинов, к которым удалось пробиться Николаю Васильевичу, приговор смягчили. Николая Николаевича разжаловали в солдаты на 6 лет и отправили служить в Александрополь Эриванской области. Там он пробыл 3 года, затем (не без участия Н.В. Шелгунова) переведен в Пятигорск и произведен в офицеры. За 2 года до смерти, в 1889 г., тяжело больному Николаю Васильевичу

посчастливилось встретиться в Пятигорске с сыном: «Колю вижу по десяти раз в день и думаю, что он будет лучшим моим лекарством»¹⁶.

Вот таков героический образ мужа второй дочери А.Б. Лакиера. Где состоялось знакомство молодых людей, в результате чего последовал их брак - неизвестно. Во всяком случае, это произошло уже после смерти Н.В. Шелгунова в 1892 г. Через два года Александры Александровны не стало, а Николай Николаевич в 1895 г. поступил в Горный институт, который закончил в 1898 г. Все изменилось в его жизни: морская романтика сменилась практической деятельностью на уральских заводах, по-видимому, прошло и увлечение революционными идеями. В эти годы он известен не только как управляющий заводами, но и как землевладелец: NdR сообщает, что в начале нашего века Н.Н. Шелгунов вместе с дочерью от брака с Александрой Александровной Лакиер Шурочкой входил в крупный землевладельческий клан Лакиеров в окрестностях Таганрога.

От руки своей единственной дочери Шурочки он и погиб в 1909 г., а не в 1906 г., как указано в NdR. Во всех книгах о Н.В. Шелгунове, в публикациях его писем убийство называют загадочным. Однако, по воспоминаниям Ольги Степановны Хилковой, 16-летняя Шурочка сделала это по настоянию «организации», своих молодых друзей, заставивших ее выстрелить из пистолета в отца, отказавшегося от идеалов своей молодости. Так ли это, проверить пока не удалось.

Убийство произошло якобы в Таганроге, на Золотой Косе, а не на Урале, как сообщают биографы Н.В. Шелгунова. Елена Марковна Лакиер, горячо любившая свою внучку Шурочку, после потрясения предприняла все меры, чтобы дело замять. Шурочку признали невменяемой, поместили в больницу, затем выпустили, и она уехала в Москву или Петербург. По словам той же Ольги Степановны, Александра Николаевна несколько раз приезжала в Таганрог, так же как и ее дочери - артистки балета из Ленинграда.

Младшая дочь Лакиеров Мария Александровна была в начале века «первой леди» Таганрога. Ее муж - Павел Федорович Йорданов, соученик А.П. Чехова, с которым у него была многолетняя переписка. Павел Федорович являлся сенатором, членом Государственного совета, городским головой Таганрога. В качестве врача он выполнял свой профессиональный долг во время Первой мировой войны. Затем, как сообщает в своих воспоминаниях таганрожец, оказавшийся в эмиграции, Н.И. Ка-тенов¹⁷, 62-летний П.Ф. Йорданов ушел на транспорте с тифозными больными из Новороссийска и умер в Турции.

Мария Александровна Йорданова благодаря своему замужеству «прославилась», о чем ей самой, разумеется, не пришлось узнать, в советской литературе. Ростовский писатель-сатирик Сергей Званцев (псевдоним Александра Исааковича Шамковича), земляк Йордановых, отец которого - И.Я. Шамкович, врач, сидевший в свое время за одной партией с А.П. Чеховым, выпустил в 1968 г. книгу «Миллионное наследство. Рассказы о Таганроге». В книге имеется очерк «Городской голова». Здесь

Мария Александровна Иорданова выступает как «богатейшая землевладелица Таганрогского округа», «блестящая дама, всегда одетая по последней парижской моде», «властная», муж которой «в душе всегда опасался, что его блестящая, богатая жена когда-нибудь бросит его»¹⁸. Естественно, в основе изложения фактов таганрогской жизни начала века у Званцева лежат детские воспоминания, семейные рассказы. Отбор же фактов для книги зависел, однако, от индивидуальности автора. В очерке о городском голове Таганрога С. Званцев поместил, па-пример, такие сведения: «Злые языки говорили, и, кажется, не без основания, что истинная девичья фамилия жены городского головы была не Лякиер, а Лякер: буква «и» заставляла звучать фамилию на французский манер. Кажется, аптекарь Дельсон состоял в каком-то родстве с семейством Лякер. Вероятно, так и было, иначе чем объяснить частное знакомство старого бородатого аптекаря с блестящей дамой... женой будущего члена Государственного Совета?»¹⁹. Далее Званцев повествует о подробностях визитов «первой леди» к Дельсонам, о беседах с женой аптекаря, умнейшей женщиной Миной Марковной, и с самим аптекарем, повлиявшим, в частности, на факт установки в Таганроге памятника Петру I. (Как известно, скульптор М.М. Антокольский подарил этот памятник Таганрогу, родине А.П. Чехова). Не очень корректно советский писатель отзывается о сыновьях Иордановых (почему-то Михаиле и Сергее), именуя их «оболтусами».

Таганрожец Н.И. Катенев, проживающий за рубежом, в письме к сестре (Сыровой В.И.) в Таганрог отрицательно отреагировал на «откровения» Званцева²⁰. В частности, он приводит сведения о сыновьях Иордановых, свидетельствующие, что уж никак нельзя считать их никчемными людьми. И действительно: Александр Павлович Иорданов в 1911 г. поступил в Александровский лицей. Последний раз он был в Таганроге в 1913 г. и вывез семейные архивы Варваца, Лакиеров (и Ознобишиных), а уезжая на дипломатическую службу в Рим, увез их с собой. В таганрогский музей, по словам Катенева, А.П. Иорданов послал много ценных вещей. Он умер в 1966 г. в Швейцарии в возрасте 74 лет. Его брат Николай Иорданов остался в России, жил в Ленинграде и, как пишет Катенев, расстрелян. Его вдова передала государству 73 письма А.П. Чехова к П.Ф. Иорданову. К сожалению, о третьем сыне Иордановых и о двух дочерях, покинувших Россию, ничего не известно.

Что касается «еврейского происхождения» мадам Иордановой (Лакиер), то, отрицая это, Катенев ссылается на сведения, полученные им от сестер Палеолог, живших в 60-е гг. в Париже. Одна из них была замужем за Лакиером, братом г-жи Иордановой, как пишет Катенев. (Действительно, Екатерина Палеолог - жена Ивана Александровича Лакиера.) Обе сестры имели на руках документальные свидетельства о дворянском происхождении семьи Лакиер, помнили о славных представителях этого рода - враче (отец Александра Борисовича Борис Львович), засвидетельствовавшем смерть Александра I в Таганроге, и путешественнике, написавшем несколько книг (Александр Борисовиче).

Действительно, мать Александра Борисовича - дворянка Екатерина Федоровна Шауфус, дочь действительного статского советника, председателя Коммерческого суда Таганрога Федора Федоровича Шауфуса (Шаффхаузен - Шенберг - Эрк - Шауфусс). Отец - Борис Львович Лакиер (полное имя Борис Марк Мориц) получил дворянство «согласно чинам». Его биография не совсем «светлая», по многие стороны его жизни раскрывает «Дело о дворянстве рода Лакиера»²¹, в котором содержатся такие документы, как формулярный список о службе Б.Л. Лакиера, выписки из метрической книги о рождении детей, завещание Бориса Львовича и др. Эти документы позволяют без домыслов восстановить биографию «доктора из Таганрога», а также получить вполне надежные сведения о его делах.

Борис Львович Лакиер (род. в 1780 г.) - бывший прусский подданный, происходил «из гражданских детей». Оставив в Пруссии жену Лею и сына Сигизмунда, он в 1816 г. приехал в Россию. Из формуляра следует, что он «обучался в Берлинском и Дерптском университетах медицине, акушерству, словесности и разным иностранным языкам». Медицинский диплом Дерптского университета позволил ему получить место уездного лекаря в Бабиновичах, одном из городков Могилевской губернии, а через 3 года - он уже городской доктор в Таганроге, где обвенчался «первым браком», как записано в метрической книге, с Е.Ф. Шауфус. С 1824 г. в качестве главного медицинского чиновника таганрогского карантина Б.Л. Лакиер в течение нескольких лет обслуживал военных и гражданское население, прививал оспу, оказывал помощь в ликвидации холеры. Службу свою, как отмечено в его формулярном списке, «отправлял отлично, в чем оправдал в полной мере ожидания начальства» и за что «награжден Правительствующим Сенатом надворным советником»²².

В 1835 г. семья переехала в Москву, где обосновалась в собственном доме на Басманной, проживая, по-видимому, за счет того, что Б.Л. Лакиер давал деньги в рост. Это следует из завещания Б.Л. Лакиера, который оставил своим детям «благоприобретенное имение», состоящее из наличного капитала и «долгов на частных людях по заемным письмам» (перечисляется много фамилий)²³.

Согласно чинам Бориса Львовича, род Лакиеров был внесен в Дворянскую родословную книгу Московской губернии.

«Дело о дворянстве рода Лакиера» показывает, что от второго брака у Бориса Львовича было не трое, а четверо детей. Первой родилась в 1820 г. Вильгельмина. В метрической книге, однако, отмечено, что поскольку такого имени нет в святцах, девочку крестили как Акелину (Акулину).

К 1850 г., когда составлялось завещание Б.Л. Лакиера, Вильгельмины (Акулины) уже не было в живых, т. к. она не упомянута в завещании. В 1824 г., как уже отмечалось, появился на свет Александр Борисович, в 1828 г. - Вильгельм (Василий) Борисович (возможно, к этому времени Вильгельмины-Акулины не стало), а в 1829 г. - Борис Борисович. О Борисе Борисовиче Лакиере - младшем брате Александра Борисовича, не упоми-

нается в NdR. Между тем он реально существовал в 1850 г., ибо в завещании Б.Л. Лакиера предписывается разделить наследство между тремя сыновьями, а младшему - Борису должны были перейти карманные часы отца²⁴. Упоминание о Борисе Борисовиче имеется и письме Вильгельма Борисовича из Вильно к П.А. Плетневу примерно в 1865 г. Он пишет, что получил письма от старшего (Александра) и младшего (Бориса) братьев. Младший брат прислал ему фотографию «вероятно, по случаю женитьбы своей. Он сделал предложение очень хорошему семейству и получил ответ очень удовлетворительный»²⁵. Более упоминаний о Борисе Борисовиче Лакиере не встречается.

Средний брат Александра Борисовича - Вильгельм (Василий) Борисович во всем старался походить на старшего брата: закончил юридический факультет Московского университета, переехал вслед за братом в Петербург, женился на близкой родственнице П.А. Плетнева - сводной сестре его молодой жены Анастасии Александровне Головиной, писал статьи в юридические журналы и т. д. Судя по письмам В.Б. Лакиера и его жены Плетневой, последние оказывали постоянно моральную и, главное, материальную поддержку и этому Лакиеру. Однако, в конце концов, В.Б. Лакиер значительно продвинулся по службе, опередив своего старшего брата в этом плане. Он занимал высокие судебные и административные должности в разных регионах Российской империи: например, в 60-е гг. XIX в. был виленским губернским прокурором, председателем Виленской палаты уголовного и гражданского суда, в 1875 г. был назначен членом Совета главного управления Западной Сибири, выполняя важные поручения по управлению этим краем, затем был на должности читинского окружного начальника. За время своей службы в Сибири В.Б. Лакиер неоднократно удостоивался различных наград, в том числе имел орден св. Владимира 3-й степени. Получил чин действительного статского советника. Умер Вильгельм Борисович, уважаемый и почитаемый коллегами-юристами, позднее своего брата - в 1901 г.²⁶

В значительной степени способствовала сбору документов, относящихся к Лакиерам, в одном большом деле многолетняя тяжба за причисление к российскому дворянству сына Б.Л. Лакиера от первого брака Сигизмунда. Он остался совсем ребенком (род. 1799 г.), когда Борис Львович покинул родные места. В материалах, относящихся к Александру Борисовичу Лакиеру, его письмах упоминаний о Сигизмунде нет, как, впрочем и в письмах Вильгельма Борисовича. По-видимому, появление старшего брата для Лакиеров явилось определенной неожиданностью. Тем не менее он, «бывший прусский подданный», обосновавшись в Москве (или приехав к своему отцу в Москву), начал хлопоты о внесении его в Дворянскую родословную книгу Московской губернии и о предоставлении ему грамоты и копии с протокола о его дворянстве. Депутаты Московского дворянского депутатского собрания удовлетворили просьбу старшего сына Лакиера и порешили «дать» ему дворянство «по заслуженным отца его чинам»²⁷. Посланные на утверждение в Герольдию документы, однако, там не при-

знали достаточными, и Сигизмунд Лакиер в дворянстве утверждён не был. 14 лет тянулось дело о признании дворянином старшего сына Б.Л. Лакиера, в результате в «Деле» скопилось масса справок, прошений, запросов. Среди них - интересные сведения, полученные из МИДа, о происхождении Сигизмунда. В присланном из Пруссии сообщении говорится о показаниях некоего столяра Бирмана из Краскау (Нейгоф, 29 декабря 1849 г.)²⁸. Явившись по требованию в полицию, он сказал, что сам не мог дать сведений о «каком-то Лакире», но вспомнил о Лакире - родственнике жены Менделя Сингера, поэтому пошел к ней и спросил. Она поведала, что Сигизмунд Лакиер родился в апреле 1799 г. Родители его всегда жили несогласно, и отец посему отлучился от своего семейства. Мать его по имени Лея переселилась со своим сыном в Фестенберг(?), где и проживает. Сигизмунд «здесь» учился столярному делу, затем отправился в Бреславль (Бреслау - Вроцлав) совершенствоваться. Впоследствии переселился в Москву, где и «теперь еще проживает» и, как говорят, «женат на графине».

Лишь после смерти Б.Л. Лакиера Сигизмунд, представив завещание отца, где он признается законным наследником, получившим 1000 рублей серебром, а мать его, «находящаяся в Прусской Силезии», - 100 рублей серебром, был утверждён в дворянстве. Это произошло в 1854 г. Формулярный список Сигизмунда Лакиера от 22 марта 1855 г. показывает, что к этому времени он из лютеранина сделался православным - крестился в 1850 г. и стал Николаем, женился на «приписанной к городу Митаве девице Мари Мальвине Литандер» (Лестендер, Легтендер) в 1851 г., а в 1852 г. у них родился сын Александр. В 1855 г. и они признаны дворянами²⁹. В 1855 г. Сигизмунд (Николай) Лакиер имел чин коллежского регистратора (самый низший по Табели о рангах). Как указано в NdR, он дослужился до титулярного советника. Титулярным советником являлся и его сын Александр, жена которого Ольга Николаевна к 1884 г. была уже вдовой и просила определить ее «во вдовый дом», однако вместо этого «по бедному положению» получила пособие в 30 и 20 рублей³⁰. Их единственная дочь Елизавета Александровна, по сообщению NdR, вышла замуж за Николая Александровича Ратокова-Ройнова, погибшего в молодом возрасте на Первой мировой войне.

Как видим, документы не дают возможности подтвердить версию о жёнильбе Сигизмунда (Николая) Лакиера на графине; впоследствии в глазах потомков она превратилась в «графиню Толстую».

Во всяком случае, именно эти сведения приводятся в автобиографическом очерке еще одного ныне здравствующего Лакиера - Уолтера Лакера, который он опубликовал в майском номере за 1992 г. «Франкфуртер Алльгемайне Цайтунг» (Германия). Уолтер Лакер - видный американский советолог, в настоящее время директор международного Института современной истории (штаб-квартира в Лондоне). Он автор книг по советской и русской истории, в частности, монографии «Черная сотня», опубликованной на многих языках, постоянный корреспондент журнала «Новое время». В очерке «Доктор из Штэдтеля, его сын и его брат» он приводит факты из

своей родословной, подтверждающие родство с Марком Морицем (Борисом) Лакиером. С XVIII в. предки Лакера жили в селе (местечке) Штэдтель (40 километров восточнее Бреслау - Вроцлава), которое находится буквально в двух шагах от Карлсруэ (Краскау?), месте рождения Бориса Львовича Лакиера, указанном в документах Дерптского университета. Ничего не сообщая об отце Бориса Львовича, У. Лакер приводит много данных о брате Марка Морица Давиде, который был раввином и воспитывал Сигизмунда после отъезда отца последнего. У. Лакер прекрасно знает свою родословную, гордится ею, правда, до последнего времени он не предполагал, что «русская линия» «свяжет» его с Хвостовыми, Иордановыми, Комнено-Варвацами, Палеологами и др. известнейшими дворянскими родами Российской империи. Вот только родство с Толстыми довольно легендарно.

У. Лакер высказал предположение о причине появления «французской основы» в родословии Марка Морица Лакиера, в частности, происхождения последнего из Клермон-Ферран: по его мысли, в тогдашней России, несмотря на революцию (французскую, очевидно - Н.С.) и Наполеона, французское происхождение было предпочтительнее немецко-еврейского.

Как бы там ни было, несколько поколений потомков Бориса Львовича Лакиера, получившего за верную службу России дворянство, продолжили славный путь предка и оставили в общественной и культурной жизни российского государства заметный след.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ikonnikov N.* La noblesse de Russie. 2-eme ed. Paris, 1959.

² Цит. по изданию: *Schakliovskoy D.* Societe et Noblesse Russe. Rennes, 1978. Т. 1. Р. VIII.

³ *Schakhovskoy D.* Societe et Noblesse Russe. Rennes, 1978-1979, 1981, 1986. Т. 1-4.

⁴ Там же. Т. 1. Р. VIII-IX.

⁵ «Современник». 1859. Т. 69. № 3. С. 25-48. (Без подписи). См. также: *Добролюбов Н.А.* Собр. соч. М.-Л., 1962. Т. 4. С. 217-219.

⁶ *Соболева Н.А.* Об авторе «Русской геральдики» // Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 317-398; *Она же.* Первый русский ученый-геральдист // Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 180-189.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф.1343. Оп. 24. Д. 387. Л. 38.

⁸ Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (далее - ИРЛИ). Ф. 234. Оп. 4., Д. 109. Л. 15, 17.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Ч. 1. Д. 13611. Л. 4 об.

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 2. Д. 109. Л. 23-35.

¹¹ *Комнин-Варваций М.* Коллежский советник и кавалер Иван Андреевич Варваций // Северный архив. СПб., 1828. № 11-12.

¹² РГИА. Ф. 1343., Оп. 36., Ч. 1., Д. 13611., Л. 10-11 об.

¹³ Там же. Л. 1, 7.

¹⁴ Письма Н.В. Шелгунова к А.Н. Попову // Современный мир, 1911, май. С. 154, 157.

¹⁵ См. об этом: *Тхоржевский С.С.* Закон совести. Повесть о Николае Шелгунове. М., 1989. С. 278.

¹⁶ *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 2, С. 526.

¹⁷ Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Ф. 7-029. Письма Н.И. Катенева сотрудникам музея и сестре (1963-1975 гг.).

¹⁸ *Званцев С.* Миллионное наследство. Рассказы о Таганроге. М., 1968. С. 272, 282.

¹⁹ Там же. С. 272.

²⁰ См. Письма Н.И. Катенева (прим. 17).

²¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 387.

²² Там же. Л. 6 об.-7.

²³ Там же. Л. 81-82 об.

²⁴ Там же. Л. 82.

²⁵ ИРЛИ. Ф. 234, Оп. 3. Д. 366. Л. 54.

²⁶ В.Б. Лакиер. Некролог // Виленский календарь на 1902 г. Вильна, 1901. С. 372-373.

²⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 387. Л. 9 об.-10.

²⁸ Там же. Л. 61-61 об.

²⁹ Там же. Л. 91-100.

³⁰ РГИА., Ф. 472. Оп. 38. Д. 9. Л. 52 об. 173 об.

³¹ *Laqueur W.* Der Doktor aus Stadtell, Sein Sohn und sein Bruder // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 23 Mai 1992. № 120.